

А.Я. ФЛИЕР

КУЛЬТУРА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: ИНСТИНКТ – ОБЫЧАЙ – РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ*

Аннотация: В статье рассматриваются принципы периодизации истории культуры и направленность ее исторической эволюции как системы программ социального поведения живых существ, ведущих коллективный образ жизни: от популяционного инстинкта (животные) к социальному обычаю (люди на первобытной и аграрной стадиях истории) и к свободному рациональному поведению (люди на индустриальной и постиндустриальной стадиях истории).

Abstract: The article deals with the principles of periodization of the history of culture and the directions of its historical evolution as a system of programs of the social behavior of collectively cohabiting living beings: from the population instinct (animals) to social custom (people at the primeval and agrarian stages) and to free rational behavior (people at the industrial and postindustrial stages of history).

Ключевые слова: периодизация истории культуры, эволюция, инстинкт, обычай, рациональное поведение, свобода.

Keywords: periodization of the history of culture, evolution, instinct, custom, rational behavior, freedom.

Вопрос о том, как структурировать историю культуры, еще очень далек от достижения какого-либо научного консенсуса. В российской культурологии (по крайней мере, в ее образовательном сегменте) историю культуры, как правило, структурируют по привычной советской модели общественно-экономических формаций (первобытность, рабо-

Флиер Андрей Яковлевич – доктор философских наук, профессор, профессор Московского гуманитарного университета (Москва). E-mail: andrey.flier@yandex.ru.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-03004408а «Очерки теории исторической динамики культуры».

владение, феодализм, капитализм, социализм). Либо историю культуры членят по художественным стилям (античная эпоха, эпоха готики, барочная эпоха и т.п.). А чаще всего имеет место совершенно неорганичное смешение и того, и другого¹.

Следует заметить, что формационная периодизация отражает лишь экономическую сторону истории и не имеет прямого отношения к культурным процессам и их проблемному наполнению. В то же время стилевая периодизация выявляет только одну – внешнюю сторону вопроса. При таком понимании культура предстает лишь как выразитель определенных идей, актуальных для общества на том или ином этапе его истории, символизированных в эстетических образах. Но у этих образов, являющих лишь формой, есть еще и определенные социальные содержания, детерминирующие ту или иную внешнюю стилевую направленность культуры на каком-то отрезке истории. Культура и сама в существенной мере является источником определенных содержательных идей социального строительства, и эта ее функция должна получить выражение в используемой периодизации.

Современная наука все больше склоняется к тому, чтобы периодизация истории была универсальной и в равной мере охватывала и социально-экономические и культурные процессы. Сейчас принято членить историю на эпохи по преобладающим технологиям деятельности, которые отражают особенности как материального, так и символического и социального производства². Такая периодизация вполне подходит и для истории культуры, поскольку касается основных ее социальных содержаний.

При этом выделяются следующие исторические отрезки:

- Первобытная эпоха, характерная примитивным ручным трудом человека, элементарными социальными структурами, преобладанием мифологического сознания, отсутствием письменности. Ее принято отсчитывать от первых шагов антропогенеза и завершать возникновением ранних городских цивилизаций в 4-3 тыс. до н.э.

¹ См.: *Дорохова М.А.* История культуры. Конспект лекций. М., 2008; История мировой культуры (мировых цивилизаций): учеб. пособие / Под ред. Г.В. Драча. Ростов-на-Дону, 2002; *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры: В 2 т. СПб., 2003. Культурология: История мировой культуры: Учеб. пособие / Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М., 2003; *Щученко В.А.* Введение в историю культуры: Учеб. пособие. СПб., 1996.

² См.: *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; Bell, David. *The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting.* N.Y., 1973; Toffler, Alvin. *The Third Wave.* N.Y., 1980; Touraine, Alan. *La Soci t  post-industrielle. Naissance d'une soci t .* Paris, 1969.

- Аграрная эпоха, в которой использовался ручной труд (рабский, крестьянский, ремесленный) с развитым инструментарием при активной эксплуатации животных, имелась системная социально-сословная и политическая организация, преобладало религиозное сознание, информация фиксировалась письменностью. Аграрная эпоха начинается со становления первых городских цивилизаций (эта эпоха специфична тем, что основная экономическая деятельность была сосредоточена в деревне и носила аграрный характер, а города являлись центрами управления, политической жизни и художественной культуры), а завершается в Европе XV в. — изобретением печатного станка, итальянским Ренессансом и Великими географическими открытиями, в России — петровскими реформами рубежа XVII—XVIII в., в Северной Америке — американской революцией конца XVIII в., а в Азии и Латинской Америке политическими и экономическими реформами и революциями XIX — начала XX вв.

- Индустриальная эпоха, для которой специфично городское мануфактурное, а затем машинное производство с внешним энергетическим обеспечением, доминирует развитая национально-политическая и социально-классовая организация, преобладает научное рационалистическое сознание, развито книгопечатание. Индустриальную эпоху определяют в промежутке между рубежом XV—XVI вв. (в Западной Европе) и 60-ми гг. XX в. (в Западной Европе, Северной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе);

- Постиндустриальная/информационная эпоха, характерная сложным наукоемким производством на основе информационных технологий, доминирующим влиянием транснациональных экономических и медиа структур, начинающим преобладать художественно-образным сознанием, переходом от книжной к экранной массовой культуре. Начало этой эпохи принято отсчитывать от «информационной революции» 1960—70-х гг.

Такая периодизация, на мой взгляд, подходит и для исторического членения культуры, поскольку отражает основные проблемные содержания, специфичные для культуры того или иного времени. Эти содержания заключаются в различных *основаниях социальной солидарности людей*, составляющих общество, в причинах, по которым они предпочитают жить вместе. От эпохи к эпохе такие основания меняются, и представляется перспективным проводить структурирование истории культуры именно по переменам оснований для социальной консолидации.

Можно выделить доминантные основания социальной солидарности, наиболее показательные для разных эпох:

- Кровнородственную солидарность, наиболее распространенную в первобытную эпоху. Люди держались вместе потому, что были (или счи-

тали себя) кровными родственниками, обязанными жить рядом и поддерживать друг друга.

- Политическую солидарность, характерную для аграрной эпохи. Люди держались вместе потому, что так надежней была обеспечена их защита от враждебного внешнего окружения, и это способствовало поддержанию социального порядка внутри сообщества.

- Социальную солидарность, показательную для индустриальной эпохи. Люди держались вместе потому, что так эффективно завоевывался, а затем и поддерживался предпочитаемый в данном сообществе порядок социальной справедливости.

- Культурную солидарность, которая, как представляется, будет наиболее характерной для постиндустриальной эпохи. Люди будут держаться вместе потому, что так удобней обеспечивать их культурные устремления – интересы, увлечения, развлечения, формы досуга и пр.

Таким образом, мы видим, что историческое развитие культуры имеет определенную направленность, выраженный вектор движения. Культура обеспечивает основные социальные интересы человеческих сообществ, которые эволюционируют от необходимости в самозащите (на ранних этапах истории) к потребности в социальной самореализации и культурном самовыражении людей (на современном этапе). Образно это можно описать в следующей последовательности:

- Сначала главным врагом человека была природа – хищные звери, плохой климат и ландшафт, недостаток кормовых угодий. И человек боролся с природой за свое биологическое выживание (первобытная эпоха).

- Потом главным врагом человека стали другие люди – конкуренты за территорию проживания, природные ресурсы, накопленные богатства. И человек стал бороться за свое социальное выживание с другими людьми – как с внешними агрессорами (что более характерно для аграрной эпохи), так и с внутренними эксплуататорами (это более характерно для индустриальной эпохи).

- Наконец, человек обнаружил, что главным врагом является он сам для себя, и это связано с его неумением рационально организовать свою жизнь, продуктивную деятельность и досуг. И человек стал бороться с самим собой, со своей пассивностью и инертностью, сдерживающих социальную и культурную самореализацию, имея в виду целью этой борьбы более полное раскрытие собственных деятельностных потенций и устремлений (постиндустриальная эпоха).

Последовательная реализация этих целей существования человеческого общества выразилась в том, что в ходе истории шаг за шагом раздвигались границы *социальной свободы* человека. От эпохи к эпохе чело-

век становился все более свободен от жесткого социального подавления и контроля над своим сознанием и поведением; как в публичной, так и, тем более, в приватной жизни и личностной культуре он обретал все большую независимость.

В таком случае история культуры может быть осмыслена как последовательная эволюция способов коллективного Бытия людей, развивающихся от исполнения безальтернативных животных инстинктов (доминировавших на стадии антропогенеза) сначала к обычаю, т.е. к социальному поведению в принципе добровольному, но определяемому и ограниченному многовековым историческим опытом коллектива. Однако на этом развитие не остановилось. Оно продолжается в направлении нового социокультурного порядка, допускающего в той или иной мере проявление воли самого человека, его самостоятельного выбора вариантов поведения в различных жизненных ситуациях. Такой порядок называется «социальной свободой». История культуры – это история обретения человеком социальной свободы: от инстинкта к обычаю, от обычая к свободе.

Культурное развитие, имеющее место в истории, переставляет собой процесс поэтапного усложнения организационно-регулятивных и коммуникативных приемов и способов коллективного существования людей. Но при этом историческая эволюция социальных функций культуры последовательно ведет к ослаблению социального контроля над человеком, сокращению социальных ограничений и, напротив, к разрастанию перечня допустимых вариантов человеческого поведения, т.е. к расширению границ социальной свободы человека. Почему?

В российском научном сообществе получила популярность концепция, которую условно можно обозначить как «культура – это свобода», принадлежащая известному отечественному философу В.М. Межуеву. Суть ее заключается в следующем логическом построении: человек отличен от животного тем, что он свободен, он волен сам распоряжаться временем своей жизни. Эта свобода выражается в первую очередь в его различных культурных проявлениях. Причем, чем дальше продвигается история, тем более свободным становится человек и тем больше развивается его культура. Т.е. свобода и культура тождественны в своей социальной сути, культура – это форма проявления свободы³.

Не будучи философом, я изучаю эти проблемы с совершенно иных социально- и историко-культурологических позиций, анализирую раз-

³ *Межуев В.М.* Время и вечность в современной культуре // *Время конца времен. Время и вечность в современной культуре: материалы заседания философского клуба.* М., 2009; *Межуев В.М.* Свобода как общественная ценность // *Альтернативы.* 2009. № 4.

вите функций культуры и их обусловленность социальными интересами общества на том или ином историческом этапе. И в этих научных изысканиях я прихожу к тем же выводам, что и В.М. Межуев в своих философских размышлениях: видимым результатом истории является не только научно-технический прогресс и возрастание масштабов использования природных ресурсов, но и постепенное расширение границ социальной свободы человека и возможностей его социальной самореализации.

Но тождественна ли социальная свобода культуре? Вот с такой постановкой вопроса я не согласен.

Человеческая культура, на мой взгляд, родилась на определенном этапе эволюции жизни на Земле как развитие основных принципов коллективной жизнедеятельности (норм социального поведения) биологических существ, ведущих групповой образ жизни. Культура — это программа социального поведения существ рода *Homo*, по своим функциям практически не отличающаяся от таких же программ других биологических видов — млекопитающих, птиц, рыб, насекомых. Различие здесь не *сущностное*, а *качественное*. Человеческая культура на много более эффективна в своих социально-интегративных, социально-регулятивных, деятельностно-продуктивных, психико-компенсаторных, познавательных, творческих, коммуникативных и иных возможностях и инструментарии, нежели поведение животных.

Но социальное поведение (как животных, так и человека) — это совсем не свобода, а наоборот, ограничение индивидуальных проявлений особи определенными нормативами, не допускающими поступков, наносящих вред коллективному характеру жизнедеятельности популяции или, по крайней мере, жестко локализующими социальные последствия таких поступков. Другое дело, что у животных исполнение этой программы имеет инстинктивный характер, что обеспечивает абсолютную обязательность таких ограничений. У человеческого вида функции этих побудительных и ограничительных инстинктов осуществляет культура, которая работает не как генетический императив, а как более или менее осознаваемая и рефлекслируемая программа поведения (нередко исполняемая автоматически, как привычный стереотип, но все-таки в целом добровольно). Культурные ограничения только призывают человека к добровольному «правильному» поведению в рамках декларируемых социальных норм, но не заставляют его поступать так, что имеет следствием существенную независимость индивида от них, регулирующую только степень его социализированности.

Свобода человека распоряжаться своим временем по собственному усмотрению, о которой говорит философ, это освобождение от обязатель-

ного (принудительного) следования культурным ограничениям. Это свобода *от культуры* (во всяком случае от ее традиционной составляющей), а не, *благодаря ей*. При этом показательно то, что по мере развития человеческого общества от эпохи к эпохе объем и жесткость социальных ограничений, диктуемых культурой, снижаются. Те история представляет собой своеобразную тенденцию «преодоления культуры» и ее ограничений.

Чем это вызвано? Основная причина возникновения и осуществления этой тенденции заключается в том, что в ходе истории происходит постоянное возрастание уровня специализации и квалификации в деятельности людей (по крайней мере, у основной социально активной части общества). Все больше и больше областей деятельности обретает в той или иной мере творческий, импровизационный, поисковый характер. А успешное исполнение такой высокоспециализированной, высококвалифицированной и тем более творческой работы должно быть психологически обеспечено определенными условиями, в которых действует человек. И главным таким условием является его *личная свобода*. Известна поговорка «охота пуще неволи». Именно она выражает сущность основной тенденции исторического развития человеческого общества и его культуры от *больших* ограничений к *большей* свободе. Крестьянин более свободен, чем раб, он заинтересован в результатах своего труда, и потому его работа более качественна, чем у раба. Рабочий свободнее крестьянина, ему платят за качество труда, и это качество возрастает. Еще более свободны и заинтересованы инженер и врач и уж тем более художник и ученый. И это сразу отражается на качестве их работы, на ее творческом характере.

Если программа социального поведения животных осуществляется в границах одной модальности, выраженной в воспроизводстве генетически унаследованных образцов (у людей подобная воспроизводящая деятельность называется «традиционной»), то культура как программа социального поведения людей осуществляется в рамках двух модальностей — традиции и новации.

Модальность традиции обеспечивает *устойчивость* культуры в ходе ее практического функционирования, модальность новации содействует ее *развитию* и повышению качества производимого труда. Понятно, что устойчивость и развитие являются обязательными характеристиками эффективной жизнедеятельности человеческого общества. Развитие без устойчивости ведет к хаосу («срыву в штопор»), а устойчивость без развития приводит к стагнации и «затуханию» жизни. Это означает, что традиция и новация в своем диалектическом взаимодействии представляют собой необходимое условие социальной жизни общества, продуктивного функционирования его культуры.

Вместе с тем история культуры свидетельствует, что по мере развития человеческого общества социальное пространство традиции неуклонно сокращается, а социальное пространство новации, напротив, расширяется, т.е. задачи развития становятся более актуальными, чем задачи устойчивости. Причина такой тенденции видится в том, что человечество уже обрело высокую степень автономии от состояния природных условий планеты Земля и само создает необходимые условия для жизни своей деятельностью. Сейчас перспективе выживания человеческого рода земная природа не угрожает в принципе, пока на планете будет возможна какая-либо биологическая жизнь (что было вовсе не гарантировано еще несколько веков назад).

А вот проблема ускорения развития форм и технологий деятельности для человечества становится все более актуальной по мере демографического роста населения планеты, истощения естественных энергетических источников, выявления ограниченности запасов пресной воды и пр. В свою очередь динамика развития напрямую зависит от нарастания новационности во всех видах человеческой деятельности, ее эффективности, продуктивности на единицу затраченной энергии. Это самоочевидно.

Но новация (любая – техническая, символическая, идеологическая, социально-организационная) – это продукт свободы, результат свободного труда человека, в большой мере независимого от назойливого социального контроля, который диктует ему обязательный повтор закрепленных в традиции образцов деятельности. Новация в деятельности рождается тогда, когда человек, ощущает себя свободным от нормативных ограничений, когда его действия детерминированы не традициями общины, а соображениями рационального решения возникшей проблемы.

Эффективность загоновой охоты в верхнем палеолите, так же как и скорость постройки пирамид в Древнем Египте напрямую зависели от количества людей, которые одновременно принимали в этом участие. То же можно сказать и о XIX в. – строительстве Суэцкого канала или прокладке железных дорог в Европе, Америке, Азии. Даже в XX в. победа в обеих мировых войнах, строительство Транссиба и Панамского канала, освоение Целины и пр. требовали мобилизации максимальных человеческих ресурсов.

Сегодня числом мобилизованных людей уже не достигнешь требуемой эффективности в осуществлении реализуемых проектов. Ныне требуется именно качество их труда, осуществляемое в условиях свободы. Поэтому и рухнул социализм, который хорошо умел мобилизовывать массы на войну, но не смог заинтересовать людей в качественном труде в мирное время. Именно поэтому за последние полвека (с переходом к по-

стиндустриальной стадии развития) во всем мире так поднялись в своей значимости ценности социальной свободы. Сегодня социальная свобода становится важнейшим фактором продуктивной и эффективной жизнедеятельности человечества в целом, условием решения целого ряда его экзистенциальных проблем.

Философам свойственно тяготение к некоторой сакрализации человека и его культуры в качестве чего-то особенного, принципиально выделяющегося из остальной наблюдаемой жизни, противопоставляемого природе как ее антипод. Но человек — это не более чем определенный этап в развитии материи (в космическом масштабе) и белковых форм жизни (в земном масштабе). Человеческая культура — это высшая из достигнутых на сегодня стадия в развитии программ социального поведения биологических существ, ведущих групповой образ жизни. И свобода — это особая программа социального поведения живых организмов, которая отличается расширенными вариативными возможностями, что обеспечивает функцию развития и возрастание качества результатов такого поведения, всей практики их жизнедеятельности.

В принципе можно выстроить такую историко-эволюционную последовательность:

- регулятором социального поведения животных является популяционный инстинкт, на генетическом уровне воспроизводящий их длительный биологический опыт коллективного существования;
- на стадии антропогенеза популяционный инстинкт постепенно дополняется, а затем и вытесняется социальным обычаем;
- на первобытнообщинной и на аграрной стадиях человеческой истории основным регулятором поведения людей является обычай, воспроизводящий социальный опыт, закрепленный в традиции;
- на индустриальной и в особенности на постиндустриальной стадиях развития социальная активность людей все больше регулируется программой рационального поведения, которое строится на прагматических основаниях и актуальных побуждениях к деятельности и является по сути своей свободным.

Таким образом, мы наблюдаем определенную последовательность развития средств регуляции социального поведения особей: от инстинкта к обычаю и от обычая к рациональному поведению. Представляется очень показательным то, что эта эволюция не завершилась со становлением вида *Homo sapiens*, а продолжилась в ходе уже человеческой истории.

Сначала разберемся в понятиях.

- *Инстинкт* — это генетически наследуемая программа поведения, сложившаяся методом исторической отбраковки вариантов, опасных для

популяционной устойчивости вида. Длительность формирования инстинктов, по всей видимости, насчитывает сотни тысяч или даже миллионы лет. В инстинкте никакой свободы не может быть по определению; особь, действующая по инстинктивному побуждению, не выбирает между вариантами проявления своей активности.

• *Обычай* – это поведенческая программа, воспроизводящая образцы «правильного» поведения, закрепленные в памяти социального опыта сообщества. По существу обычай представляет собой функциональный аналог инстинкта, только наследуемый не генетически, а путем обучения и исполняемый не механически, а более или менее сознательно на основании того, что «так принято» (такова традиция). Здесь следует отметить, что вид *Homo sapiens* является одним из сравнительно «молодых» видов, существующих сейчас на Земле, и у него еще не сложились собственные генетически передаваемые инстинкты. Однако их отсутствие компенсируют *архетипы сознания и ментальности*, которые можно рассматривать как человеческие заменители инстинктов, лежащие в основании большинства обычаев. Обычай – это программа поведения, в основном реализующая в жизненной практике архетипы сознания и ментальности, происхождение большинства которых относится еще к первобытной древности. При этом нужно не забывать, что в человеческом поведении сохраняется и множество инстинктов, генетически унаследованных от наших биологических предков, которые срабатывают в разных жизненных ситуациях человека, однако, на мой взгляд, не играют значимой роли в общем комплексе его социального поведения. Изучением этого сохраняющегося атавизма человеческого поведения занимаются этологи⁴. В поведенческой программе обычая свободный выбор вариантов поведения в принципе возможен, но нежелателен и допускается только в исключительных случаях.

• *Рациональное поведение* – это поведенческая программа, которая предусматривает сравнительно свободный выбор человеком вариантов и форм акций своей социальной активности. Его решение основывается на рациональной оценке, как цели, так и совокупности обстоятельств, сопутствующих предстоящему действию, и выборе варианта поведения, наиболее соответствующего преследуемой цели и адаптивного по отношению к имеющейся совокупности обстоятельств. Рациональное поведение – это и есть *свобода* в ее практическом воплощении. Человек поступает каким-то образом не потому, что его к этому принуждают, а по-

⁴ *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. М., 1994.

тому, что он сам рационально считает эти действия правильными (иногда его выбор бывает детерминирован эмоционально) и выбирает их среди многих возможных вариантов. Он делает этот выбор свободно. Конечно, абсолютной свободы без границ не бывает, и рациональное поведение всегда ограничено какими-то нормами морали и нравственности, политическими и конъюнктурными соображениями, понятиями о чести и достоинстве, действующим законодательством и т.п. Но по многообразию возможностей в выборе варианта действий, имеющихся в распоряжении человека, программа рационального поведения во много раз превосходит поведенческую программу обычая, не говоря уже об инстинкте. Именно актуальные прагматические доводы, становящиеся основанием для выбора оптимального варианта поведения (свобода), а не социальный опыт сообщества (традиция) принципиально отличают программу рационального поведения от обычая.

Культура еще не вытеснила обычай из социальной практики более эффективным рациональным поведением и, скорее всего, этого не произойдет никогда, поскольку в любом сообществе всегда будет иметь место слой неконкурентоспособных людей, для которых приверженность обычаям останется востребованной. Но в целом наступает эпоха практического доминирования рационального поведения и локализации обычая в определенном роде «социальных резервациях»⁵. С точки зрения перспективы развития культуры как системы социального поведения человека, действительно, культура постепенно становится «пространством свободы».

Из всех живущих сейчас на Земле биологических видов *свобода*, как поведенческая модель, обусловленная программой рационального поведения, свойственна только человеку и его культуре. В этом (в том числе в этом) выражается эволюционный приоритет человека над остальными видами, его способность не только существовать в среде, но и целенаправленно преобразовывать ее в своих интересах. Подобный масштаб рассмотрения проблем человеческой истории и культуры принят в научном направлении Мегаистория (Big History), которая рассматривает человеческую историю в контексте глобальной эволюции Вселенной, как определенный этап развития жизни в космическом масштабе⁶.

⁵ См.: Флиер А.Я. Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры) // Культурологический журнал [Электронный ресурс] (http://www.cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2).

⁶ См.: Болдачев А.В. К парадигме глобального эволюционизма // Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб., 2007; Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004; Spier, Fred. How Big History Works // Social Evolution & History. 2005. Vol. 4.

Но главное, на мой взгляд, заключается в том, что по мере исторического развития человеческого общества и культуры границы свободы все больше и больше раздвигаются. А это означает, что эволюция форм осуществления жизни на Земле еще не закончена...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдачев А.В.* К парадигме глобального эволюционизма // *Болдачев А.В.* Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб., 2007.
2. *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. М., 1994 (5 изд. М.: МЦНМО, 2011).
3. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
4. *Межуев В.М.* Время и вечность в современной культуре // *Время конца времен. Время и вечность в современной культуре: материалы заседания философского клуба.* М., 2009.
5. *Межуев В.М.* Свобода как общественная ценность // *Альтернативы.* 2009. № 4.
6. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004.
7. *Флиер А.Я.* Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры) // *Культурологический журнал [Электронный ресурс]* (http://www.cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2).
8. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting.* N.Y., 1973.
9. Spier F. How Big History Works // *Social Evolution & History.* 2005. Vol. 4.
10. Toffler, Alvin. *The Third Wave.* N.-Y., 1980.